

личности. Трижды Героем стал. А ошибки большие были, особенно в области сельского хозяйства. Ликвидация индивидуальных хозяйств, ликвидация приусадебных участков, запрещение банку давать кредит на строительство жилья. Даже ликвидация лошадей. У нас же было 32 миллиона лошадей, а осталось 9 миллионов. Поляки сейчас имеют в три-четыре раза больше лошадей, чем мы.

Ликвидация министерств без всякой подготовки. Были потеряны все связи. Создали 105 или 115 совнархозов. Аппарат не сократился, а увеличился. А разделение партии? Как можно партию делить на городскую и сельскую? В городе или на селе есть и интеллигенция, и студенты, и рабочие. Поссорился с интеллигенцией, поссорился с военными, с учеными. Он же публично маршалов обзывал нецензурными словами. Я уж не говорю про заседания Президиума ЦК.

— Как Хрущев вообще всплыл после

но говорю, давала по нашим нынешним деньгам пять с половиной миллиардов рублей продукции. Ликвидировал. Сам лично ликвидировал, и все.

— А семью его вы знали, Александр Николаевич?

— Знал и Сергея, и Раду. Что касается Рады, то я о ней хорошего мнения. Женщина умная, скромная, никогда у нее не было особых нарядов, никогда она себя не выпячивала. Она не использовала положение отца.

Вообще его было за что критиковать и за что освободить от работы. То ли с возрастом, то ли из-за болезни он потерял реальное ощущение обстановки, положения дел в стране. Его критиковали за это, когда был закрытый Президиум, когда освобождали от должностей. Его критиковали и за то, что Хрущев не возражал, когда Сергею присвоили звание Героя Социалистического Труда. А он — мальчишка, только начал работать у Челомея. Что касается Аджубея, надо отдать ему

ты, сядьте вдвоем. Надо сократить, тут много написано.

Я сейчас не помню, было, наверное, страниц пятьдесят. Мы с Полянским сели, поработали. Дали Брежневу. Он говорит: "Это вроде бы уже хорошая основа". Вот и вся моя миссия.

— Пишут, что Кулаков в Ставрополе собирал членов ЦК — на охоту они вроде бы ездили.

— Это, конечно, чепуха. Я отдыхал в Железноводске, но ни на какой охоте не был, с Кулаковым не встречался. Вся работа под подготовке Президиума и пленума вели два человека: Подгорный и Брежнев. Они поговорили со всеми. И с самым последним говорили с Суловым. Я уверен в том, что Брежнев и Подгорный боялись Сулова, потому что Сулов — это флюгер. Он был для всех хороший: для Сталина, для Хрущева, для Маленкова, для Брежнева. Боялись его. Когда уже со всеми поговорили, включая Малиновского, министра обороны, только по-

Никита Сергеевич, на этом посту нельзя оставлять.

Многие говорят, что он слезы распустил на этом Президиуме. Твердо скажу: не плакал он, это придумали. Я уже говорил — вел он себя нормально, очень уверенно. Я бы сказал достойно. Не знаю, зачем Шелест выдумал про слезы. Эту байку потом подхватили. И закончил заседание Хрущев обстоятельно. Я записал почти стенографически его речь. Выступал он недолго. По некоторым вопросам возражал. "Вот вы меня критикуете, что я партию разделил на крестьянскую и на городскую. Но вы все равно к этому придете". Потом что-то оправдывал в кубинском кризисе. Кстати, я тоже об этом говорил в своем выступлении. И другие говорили. "А вот тут я не согласен, — возражал Хрущев. — Мы не один раз обсуждали этот вопрос".

Но самое главное, я считаю, что он сказал в заключение:

— Это заседание Президиума явля-

А.Н.ШЕЛЕПИН

Сталина? Мне всегда казалось, что это была фигура посредственная. А фигура оказалась с большой хитринкой.

— Хитрый хохол. А как всплыл, я на этот вопрос не могу ответить. Не знаю этого. Маленков, насколько я помню, в ту пору был больше на виду. Даже сравнивать нельзя.

С другой стороны, у Хрущева и заслуги были. Величайшая его заслуга — то, что мы с репрессиями кончили. Извините за нескромность, я в какой-то степени принимал в этом участие, поскольку с 1959 года уже работал в КГБ. Нельзя сбрасывать, конечно, со счетов его заслугу в строительстве жилья. Да, сегодня хрущевские дома плохи, но по тем временам, когда люди в бараках, коммуналках, в землянках жили, — это, конечно, было большим делом. А вот эти шараханья: сегодня кукуруза, завтра давайте химические удобрения и так далее... Авторитет Хрущева в последние годы его работы резко ослаб и в народе, и в партии.

— Ему мешал низкий уровень культуры?

— Об этом даже нечего говорить. Он совсем не читал литературу.

— Я помню, Александр Николаевич, что он и писать-то толком не мог.

— Расписываться уметь. Но был общительный, хитрый и, я должен сказать, искренний. Мы при нем не знали, что такое выходной день, что такое суббота. Однажды он решил каждое воскресенье собирать членов Президиума ЦК на даче под Москвой. Отдыхали с утра до поздней ночи. Вместе обедали. Часто приглашались артисты с Украины. Часов до двух-трех ночи пели, плясали. Хрущев построил там тир и заставлял всех стрелять из охотничьего ружья по тарелочкам. При нем был введен новый порядок: все члены Президиума и секретари ЦК каждый день обедали в Кремле. В той комнате, где собирается Президиум перед выходом на Пленум ЦК в Свердловском зале (не в новом здании, а в Свердловском зале комната Президиума была), там каждый день обедали. Обеды длились два-три часа, редко полтора.

— Знаю, что устроил просмотры новых фильмов, спортивные соревнования в бассейне в Доме приемов на Ленинских горах.

— Да, и это было. В общем, очень хитрый был и ловкий. Тут надо отдать ему должное. Вы смотрите, он же с такими китами справился, как Молотов, Каганович, Маленков, Берия и другие. Одно это говорит о том, что он был способный интриган. А сейчас в печати все передегеривают, извращают. О его ошибках вообще не говорят. Святой человек! Промооперация, это я вам точ-

должное, он способный, мог писать, быстро схватывал, но бабник и выпивоха. И пил раньше сильно. Уже дело прошлое, но спасал я его не раз. Больше всего спасал его Семичастный. Нина Петровна — жена Хрущева, очень скромная, всегда в стороне, никуда не лезла, никем она не командовала. В этом отношении такой же была и жена Брежнева. Нина Петровна бывала иногда на приемах, но очень редко и вела себя скромно. Вот то, что я знаю об этой семье.

— А Микоян какую роль играл во всей этой истории?

— Когда освобождали Хрущева?

— И когда освобождали, и во время его работы, какие у них отношения были?

— У них отношения были близкие. Я думаю, что из всех, кто был в то время в руководстве, особенно в последнее время, самым близким Хрущеву был Микоян. Они и отдыхали регулярно вместе, и жили на Ленинских горах рядом. Микоян, когда освобождали Хрущева, единственный не выступал по существу. Он только внес предложение не освобождать Никиту Сергеевича сразу от двух должностей, а оставить его на одной из них. Но это предложение никто не принял.

— В письмах в ЦК КПСС коммунисты спрашивают: этот пленум был заговором или просто хорошо подготовленным мероприятием членов ЦК в силу того, что нельзя было дальше терпеть Хрущева?

— Скорее второе. Всякое заседание в порядочном доме готовится, тем более по такому вопросу. Готовилось и заседание Президиума, и заседание Пленума. Возглавлял работу Брежнев. Хотя есть версии, что главную роль там играл Сулов, и на меня ссылаются. Моя роль состояла в том, что Брежнев поручил мне принять участие в подготовке материалов к докладу. Вот в этом я участвовал. Было это летом 1964 года. В июле или в августе я поехал в Железноводск, чтобы там работать над докладом. Спросил у Хрущева разрешение поехать в отпуск. Он сказал: "Поезжайте".

Скорее мне в Железноводск позвонил Брежнев, спросил:

— Как отдыхаешь, как дела? Я говорю: дела нормальные, отдыхаю хорошо.

— Что-то ты долго отдыхаешь. Пора бы уже возвращаться.

Я понял намек и сразу выехал. Зашел в ЦК к Брежневу, дал ему подготовленный материал. Он прочитал, сказал, что надо еще поработать. Тогда я поехал в Барвиху, продолжил там работу над этим докладом, вновь дал Брежневу.

Брежнев посмотрел и говорит:

— Да, надо еще немного поработать. Давай так сделаем. Вот Полянский и

сле этого был разговор с Суловым. Со мной Брежнев тоже говорил перед тем, как поручить готовить материал к докладу.

Брежнев человек неглупый. Начал он с того:

— Как ты живешь, Саша? Какие у тебя отношения с Семичастным?

А Семичастный был Председателем КГБ. Я говорю: очень хорошие, Леонид Ильич. У нас так сложилось, что я шел, а он — за мной. Я был вторым секретарем ЦК комсомола, после меня он стал. Меня избрали первым, а он следом за мной. Меня взяли заведующим отделом парторганов ЦК, потом двинули дальше, после меня он пришел. Только потом меня — в КГБ, а его — в Азербайджан вторым секретарем ЦК. Вот тут наши пути разошлись. А отношения у нас хорошие.

— Ну, а как все-таки ты, Саша, смотришь на обстановку в партии и стране? Что видишь хорошего, что плохого, что одобряешь, что не одобряешь?

Я немного замаялся, кто его знает, как себя вести, говорю: дела идут. В общем ушел от разговора.

Тогда он говорит:

— А как ты смотришь на ошибки Хрущева?

Я медлю, а потом говорю:

— Я этого не одобряю.

— Ну, хорошо.

Посидели, помолчали и на этом разошлись.

Скорее была вторая беседа, уже более предметная. Он стал говорить обстоятельно об ошибках Хрущева, что дальше трудно терпеть, что это компрометирует партию и страну, что могут быть серьезные осложнения. Я согласился и ответил, что дальше это терпеть нельзя. Он немного подумал, а потом сказал:

— Давай так договоримся. Ты подготовь материал к докладу. Изложи, что хорошее, что плохое было.

Я согласился. О подготовке документа я уже говорил. Потом настало время действий. На Президиуме все выступали единодушно. Говорили и о положительном, но акцент делали на недостатки. Конечно, обстановка была нервная. Но это накал критики не снизилось. Все пришли к выводу, что дальше такое положение терпеть нельзя. На Президиуме председательствовал Хрущев. Первым выступил Брежнев. Выступил он очень кратко, но существо изложил обстоятельно: претензии, которые имелись к первому секретарю ЦК. Потом начали выступать другие. У меня есть записи, я могу подробнее сказать, кто о чем говорил. Но не в этом дело. В основном все говорили о недостатках. И выводы, как правило, были единодушные: дальше вас,

есть историческим. Вы смотрите, мы дожили до такого периода, когда критикуют первого секретаря ЦК партии. Это говорит о политической зрелости нашего Президиума. Я с вами бороться не собираюсь. Моя вина в том, что мне надо было раньше уйти. Но знаете, я человек, а у всякого человека есть свои слабости. И вот тянул, не соразмерил свои силы и обстановку в стране. От вас я оторвался. Ни с кем из вас я не встречался.

И закончил выступление словами: Бороться с вами я не буду, выступать на пленуме не буду.

Брежнев зачитал проект постановления пленума. Хрущев не возражал. Пошли на пленум. На пленуме были улюлюканья. Я прямо скажу, это не украшает членов Центрального Комитета, вернее некоторых товарищей. И сегодня, я знаю, кое-кто выступает так же на пленумах. Просто диву даешься. И тогда шум в зале, улюлюканья, выкрики: "Долой его! Исключить его из партии!" И всякие другие.

Порой изумляешься, отчего это тихони так озлоблены. Когда им руководство позволяет, спускает с поводка, то тут бог весть что происходит. Загрызут. Теперь пишут, что Хрущев сидел где-то с краешку, притулился в стороне. Чепуха это. Сидел он нормально, как и другие. Не выступал потому, что сам сказал, что не будет выступать.

В общем, вопрос об освобождении Хрущева созрел. Ну, еще можно было, допустим, год терпеть. Но время — фактор материальный. Много мы и так потеряли из-за своей доброты.

— А как вел себя Косыгин?

— Он целиком был за обновление руководства! Я вообще очень высокого мнения о Косыгине. В составе руководства Косыгин был самым умным, самым способным деятелем. Инициатор реформ ведь он. Некто Бурлацкий пишет, что Андропов имел отношение к реформам, что он инициатор реформ. Увы, Юрий Владимирович абсолютно никакого отношения к ним не имел. Это Косыгин инициатор, это его идеи, его предложения по преобразованию страны. И вместе с экономистами-практиками он и предложил эти реформы. У Брежнева отношения с Косыгиным были трудные. Леонид Ильич к нему относился ревниво.

— Это понятно, Александр Николаевич, Косыгин был поумнее, более квалифицирован.

— Это бесспорно...

— А скажите, кандидатуру Брежнева предложил Сулов? Не помните?